ПРЕДИСЛОВИЕ

11–12 декабря 2019 года в Петропавловске-Камчатском состоялась «I Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Моисеевские чтения», совпавшая с 30-летием V Региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 года», проходившей в Петропавловске-Камчатском в октябре 1989 года. Что предполагало хотя бы попытку проведения ретроспективного анализа событий 30-летней давности. Однако ни в докладах «Конференции-2019», ни в речах выступающих на круглом столе после ее завершения не упоминалось о том, что менее чем через два года после «Конференции-1989» последовал распад СССР. Что вслед за этим начался развал областной экономики и отделение Корякского автономного округа от Камчатской области. И что завершилось все это в октябре 1998 года обращением руководителей названных «самостоятельными» субъектов Российской Федерации к федеральному центру с просьбой: либо немедленно оказать области и округу помощь в приобретении топлива для проведения зимы, либо приступить к столь же немедленной эвакуации населения.

И произошло это все потому, что на «Конференции-1989» вместо трезвого анализа политической и социально-экономического ситуации, происходящей в стране, обсуждались «грандиозные планы» комплексного освоения всех природных ресурсов Камчатки с приоритетным развитием горнорудной отрасли. Более того, даже в 1992 году, то есть уже после развала единого государства, в одном из заключительных положений Проекта «Концепция природопользования и основные направления программы управления природопользованием в Камчатской области до 2020 года», разработанного в 1992 году в Камчатском институте экологии и природопользования ДВО РАН по заданию Камчатского областного совета народных депутатов, администрации Камчатской области и Камчатского областного комитета по охране природы, утверждалось: «*Варианты изменения политики природопользования вследствие внутриполитических изменений в государстве, например: перераспределение полномочий между административно-территориальными и национально-территориальными образованиями; существенного расширения прав регионов; существенного усиления концентрации прав в центральных государственных органах; усиления или ослабления значения экологической политики; создания принципиально новой системы регионального членения государства и т.п., в настоящей Концепции не рассматриваются в связи с крайне быстрой трансформацией законодательных установлений и инициатив по этим вопросам*» [Проект Концепции…, 1992]. Вот так вот – не рассматриваются и все тут. И это при том, что в области уже начался развал экономики, что энергетика области уже функционировала в режиме от танкера до танкера, и что население северных районов

уже столкнулось с откровенной нехваткой продуктов питания.

С целью хотя бы отчасти восполнить этот пробел «Конференции-2019» и предпринимается сравнительный анализ Программы перспективного развития экономики Камчатки, разработанной на «Конференции-1989» с реально сложившейся социально-экономической ситуации.

ВВЕДЕНИЕ

Впрочем, прежде чем приступить к ретроспективному анализу, следует отметить, что в ходе подготовки материалов к «Конференции-1989») мною была опубликована небольшая заметка о проблемах и путях развития Камчатки в условиях перехода страны на рыночные нормы хозяйствования [Модель завтрашнего дня. «Камчатская правда» от 25 апреля 1989 г.]. В которой, высказывалось предположение о том, что объявленный в стране переход на товарно-рыночные отношения обернётся вакханалией «дикого рынка».

Отталкиваясь от этого базового представления, мною, в целях преуменьшения возможных отрицательных последствий переходного периода, предлагалось незамедлительно, пока есть (было) какое-то время и некоторые материальные и финансовые возможности, провести планомерное сокращение объемов производств дотируемых (сиречь – убыточных) отраслей и производств. И одновременно с этим осуществить организованное отселение высвобождающегося от непродуктивной деятельности трудового контингента в регионы, где содержание одного человека обходилось и обходится государству в 2–4 раза дешевле. С тем, чтобы единственно дееспособная на тот момент народно-хозяйственная отрасль (рыбная) области, смогла удержать экономику Камчатки от возможного краха. А в качестве дополнительной меры, также направленной на уменьшение непосильной нагрузки на народное хозяйство области, мною предлагалось в два раза сократить число административных районов области.

Тогда эти представления были приняты, что называется, в штыки. Вплоть до того, что наиболее одиозные представители местного истеблишмента именовали меня сталинистом, желающим под дулом автоматов насильно выселить часть жителей области за ее пределы. А умеренные оппоненты попросту не приняли ни один из трех моих докладов, подготовленных к участию в работе «Конференции-1989»).

Однако время, расставив всех и вся по своим местам, убедительно показало, что вопреки абсолютному неприятию моих представлений, они, пусть бы и спонтанно, осуществлялись на протяжении десяти лет. Тогда как стандартные наработки властных структур, представителей официальной науки, а также множества отраслевых экспертов и специалистов о дальнейшем комплексном развитии хронически больной экономики Камчатки, мягко говоря, не задались. Ибо стихийное сокращение производства во всех без исключения отраслях, вопреки всем заверениям властей и околовластного истеблишмента о вот-вот грядущем улучшении социально-экономической ситуации в стране и в области, уже в 1992 году приняло обвальный характер. А массовый и, подчеркну, спонтанный, если не сказать – стихийный, исход высвободившего населения за пределы региона, привел к тому, что на сегодня численность населения в крае составляет 315 тысяч человек, вместо 476 тысяч в 1989 году, и вместо обещанных моими оппонентами 600–800 тысяч человек уже к 2000 году.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

СИТУАЦИИ 1989–1999 ГОДОВ

Итак, 30-летний юбилей со времени работы «Конференции-1989», цели и задачи которой, как показала жизнь, не соответствовали реальному ходу политических, экономических и социальных событий в стране и в регионе, предоставляет подходящий повод для сравнительного анализа тогдашних взглядов на развитие политической и социально-экономической ситуации в стране и на Камчатке с реальностью.

Начну же я этот анализ с напоминания о прогнозе возможного распада СССР, осуществленном мною в 1986 году на основе оценки возникшей и сознательно нагнетаемой националистический ситуации под примитивным по духу, а потому и оказавшемуся весьма действенным по результату лозунгом о государственной самостоятельности тогдашних союзных республик. Ситуации, сопровождаемой массовыми, а порою и кровавыми волнениями в Алма-Ате, Сумгаите и многих других местах.

Предвидя дальнейшее нарастание националистических настроений и убедившись в беспомощности властей всех уровней по урегулированию ситуации, я тогда предложил

отказаться от принципа разделения страны на советские и автономные социалистические республики, автономные области и автономные округа и перейти на территориально-экономическую форму управления с созданием на всей территории Союза 35–40 равноправных по административному статусу губерний.

Вполне понятно, что тогда ни партийные печатные органы, ни так называемая «левая пресса», ни редакции научных журналов на эти предложения не откликнулись. Не отреагировали на них и союзные власти. Не прислушались к ним и камчатские власти вкупе с камчатским «истеблишментом», которые даже три года спустя не приняли мой доклад по сокращению вдвое числа районов в Камчатской области, отправленный в организационный комитет V Региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 года» (Петропавловск-Камчатский, октябрь 1989 г.).

Тем не менее в стране все же нашлись властные структуры, которые восприняли предложение о реорганизации системы управления страной к сведению. В частности, еще 1986 году Совет министров РСФСР поручил Исполнительному комитету Магаданского областного Совета народных депутатов рассмотреть мое предложение, высказанное в рамках общих представлений о развитии ситуации в стране, в котором говорилось об объединении Магаданской области, Чукотского автономного округа и Пенжинского района Камчатской области в самостоятельную Северо-Восточную губернию с одновременным сокращением числа административных районов в два раза.

В свою очередь Магаданский облисполком перепоручил проанализировать эту идею Северо-Восточному комплексному научно-исследовательскому институту (СВКНИИ ДВНЦ АН СССР) в рамках общесоюзной комплексной программы «Научно-технический прогресс». Институт вроде бы принялся за анализ проблемы, но тут началась борьба с алкоголизмом, строительство социализма «с человеческим лицом» и передел власти в разрушающейся стране. Так что всем все стало «до губернии». А ведь получись тогда с Магаданской областью, был бы создан прецедент, могущий помочь решению проблемы по сохранению единого государства. Или по крайней мере поспособствовало бы более цивилизованному разбегу по «национальным квартирам».

То же самое можно повторить и относительно предложенного мною способа преуменьшения отрицательных последствий надвигающейся экономической катастрофы народно-хозяйственного комплекса Камчатки путем целенаправленного сокращения производства во всех тех отраслях, в которых объем дотаций составлял 50% процентов от стоимости произведенной ими продукции. Но и это предложение было отвергнуто

организаторами «Конференции-1989».

Впрочем, это и понятно, так как в умах того времени господствовали совершенно иные критерии и истины. Ибо, судя по материалам и решению этой конференции, Камчатке предписывалось уже к 2000 году создать мощную горнорудную и газонефтедобывающую отрасли, резко интенсифицировать производство сельскохозяйственной продукции, переоснастить лесную и строительную отрасли и судоремонт, а также довести объем добычи рыбы до 2–2,2 миллиона т/год, против тех 1,2–1,4 миллиона тонн, которые добывались в 1989–1990 годах [Материалы V Региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 года». Том I. Том II. Петропавловск-Камчатский, 1989.]. Не говоря уже о том, что тогда «горячо», а иначе и не скажешь, обсуждалась тема строительства железной дороги Магадан – Петропавловск. Так что остается лишь посмотреть, чем же все эти планы обернулись на самом деле.

Итак, начнем с планов о создании в области мощной горнорудной отрасли. И начнем потому, что незадачливые прогнозисты от геологии (И. Сидорчук, В. Хворостов, В. Маргулис и прочие) самоуверенно (если не сказать, по-детски наивно) заявляли, что у них есть договоренность с тогдашним премьер-министром СССР И. Силаевым о том, что природные ресурсы региона перейдут в полное распоряжение области, и что федеральный центр по-прежнему будет обеспечивать областную экономику топливом, материалами и оборудованием. А потому, утверждали они, уже через 3–4 года в области будет создана мощная золотодобывающая отрасль. Однако через два года не стало ни И. Силаева, ни СССР.

Кстати, когда на прениях геологической секции «Конференции-1989» я высказал мнение о том, что на мировом рынке по продаже золота наметилась тенденция к падению его цены, обусловленная сменой 10-летнего периода возрастания его стоимости очередным 10-летним циклом падения, а потому ожидать скорую и весомую отдачу от золотодобычи не приходится, геологи в ответ заявили, что это не так. А затем еще три года утверждали, что цена золота повышается и будет повышаться. На чем (в том числе и на этом) они и строили свои «грандиозные» планы о создании мощной золотодобывающей отрасли. Однако уже в 1990 году цена золота снизилась до 11,5 доллара за грамм («Аргументы и факты» № 13, 1991). И продолжала снижаться еще несколько лет. Отчего в 1997 году В.В. Кноль, тогдашний начальник Камчатской геолого-съемочной экспедиции, в своем выступлении на прениях научно-практической конференции «Проблемы и направления горнопромышленного освоения Камчатской области» 15–16 декабря 1997 г. (Петропавловск-Камчатский, 1997), заявил, что при цене золота в 295 долларов за унцию (около 9 долларов за грамм) разговоры о его добыче

приходится оставить до лучших времен.

И вновь отмечу, что в очередной раз я, опираясь всего лишь на предельно скудные печатные данные, попытался было сказать, что в ближайшее время начнется ее рост. Но и в этом случае услышал все тот же довод – наши эксперты считают иначе. Однако после 2000 года цена на золото стала расти. И притом настолько интенсивно, что тот же В.В. Кноль, проявивший себя неважным экспертом, стал успешным золотодобытчиком. То есть тем, кем он хотел стать и на что он действительно оказался способен.

Тем не менее несмотря на то, что в настоящее время цена на золото колеблется в пределах от 1 500–1 600 долларов за унцию, добыча полезных ископаемых в 2017 году со своими 6,2% в структуре валового регионального продукта (ВРП) занимает шестое место по вкладу в экономику Камчатского края [Матвеева Е.И. Валовый региональный продукт как индикатор, характеризующий уровень экономического развития Камчатского края. Тезисы доклада «I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Моисеевские чтения». Петропавловск-Камчатский, 11–12 декабря 2019 г., с. 39–43]. Тогда как традиционные отрасли (рыболовство и охота, сельское и лесное хозяйства на этот же год обеспечили 20,1% ВРП [Там же]. А «Государственное управление и обеспечение военной безопасности, включая социальное страхование» внесло в ВРП 13,7%, обрабатывающие производства – 10,6%, а оптовая и розничная торговля – 8,1% [Там же].

Впрочем, не лучшим образом показали себя специалисты и других отраслей. Что особенно наглядно проявилось в их отношении к моему предложению об осуществлении ремонта камчатских судов на верфях Южной Кореи и Китая, где он производился в 2–3 раза быстрее и несоизмеримо качественнее. Которое местными специалистами от судоремонта и рыбной отрасли отвергалось начисто. Однако уже в 2000 году до 75% рыбацких судов Камчатки ремонтировалось за рубежом. И никто из моих бывших оппонентов не признал своей неправоты. Что, как минимум, говорит об их непрофессионализме. Ибо настоящий профессионал может ошибаться, но всегда готов признать свою ошибку.

Так что удивляться тому, что и реакция региональных властных структур на мою концепцию социально-экономического развития Камчатки, изложенную в ряде газетных публикаций [Крайний Север: какая модель хозяйствования выгодна? // «Дальневосточный ученый» № 30, 1988; Хочу понять // «Дальневосточный ученый» № 34. 1988; Модель завтрашнего дня // «Камчатская правда», 25 апреля 1989; Имею программу // «Дальневосточный ученый» № 30, 1989; Предлагаю программу //

«Камчатская правда», 6 августа 1989; О лососе, здравом смысле и экономике // «Камчатская правда», 29 августа 1989; Камчатка комплексная. «Рыбак Камчатки», 26 октября 1990 г.; Верно ли проложен курс. «Камчатская правда» № 282, 8 декабря 1990 г.; Верно ли проложен курс. «Камчатская правда» № 284, 9 декабря 1990 г.; Верно ли проложен курс. «Камчатская правда» № 285, 12 декабря 1990 г.; Камчатка – край рыбный // «Рыбное хозяйство» № 8, 1991], также оказалась отрицательной, не приходится.

Кстати, публикация этих представлений в газетах объяснялась тем, что время не терпело отлагательств, а в научных изданиях на опубликование статей уходят месяцы, а то и годы. Не говоря уже о том, что редакции научных изданий на публикацию этих спорных, как утверждали мои рецензенты, работ тогда не пошли. Хотя в них даже в 1994 году печатались статьи о «блестящем» в самом скором будущем экономики Камчатки.

Но вернусь к самой концепции. Основной ее тезис состоял в том, что в условиях смены социально-экономических отношений в стране модель комплексного развития, осуществляемая в целях максимально возможного обеспечения региона собственными продуктами питания и товарами повседневного спроса, окажется недееспособной. Причем недееспособной именно в тот самый момент, когда эта самая самообеспеченность станет вопросом выживания. Из чего следовал вывод о том, что дальнейшее следование этой модели в новых политических, экономических и социальных реалиях чревато для Камчатки катастрофическими социально-экономическими потрясениями.

Второе, и не менее принципиальное, положение концепции заключалось в том, что переход на рыночные отношения неизбежно приведет к безудержному падению уровня производства именно в тех отраслях, деятельность которых искусственно поддерживалась за счет дотаций. Отчего в концепции и предлагалось незамедлительно, пока еще были ресурсы, финансы и, главное, какое-то время, приступить к планомерному сокращению до необходимого минимума объема производства всех дотируемых отраслей. С одновременным организованным переселением высвобождаемого непроизводительного контингента в регионы, где содержание одного человека обходится в 3–4 раза дешевле. Ибо, считал я, в случае экономического краха самой Камчатке своих безработных было ни прокормить, ни обогреть.

При этом еще раз подчеркну, что в качестве одного из основных способов снижения

численности непроизводительного населения Камчатки мною называлось сокращение, хотя бы наполовину, управленческого аппарата региона. Поскольку содержание 11 районных, одной окружной и одной областной партийных, советских, профсоюзных и комсомольских и всех прочих властных и околовластных структур является (и остается до сих пор) непосильным грузом для экономики и населения Камчатки.

Однако, как и следовало ожидать, в силу своего принципиального отличия от всех официальных представлений и моделей, эта концепция не была воспринята ни региональными властными органами, ни хозяйствующими структурами, ни местной экономической наукой. Более того, помимо обвинений в излишней полемичности и категоричности представлений моей концепции, некоторые из наиболее эмоциональных оппонентов именовали призывы к планомерному сокращению производства убыточных отраслей и отсюда к организованному отселению высвободившегося населения за пределы области, сталинистскими и даже кровожадными.

Что же касается позиции официальной власти, то в том же 1989 году она призывала радикалов остудить головы. Обосновывая эту свою позицию тем, что вскоре политическая и социально-экономическая ситуация в стране стабилизируется и все пойдет накатанным путем. Да и региональная экономическая наука в своих наработках о путях развития Камчатки в новых условиях также не сочла нужным проанализировать альтернативный вариант развития области [Моисеев Р.С. Концепция природопользования Камчатской области: подходы и особенности. Вестник ДВО РАН, 1994, № 1, с. 72–79].

Однако, спустя всего год с небольшим после «Конференции-1989», Советский Союз как единое государство перестал существовать. Вслед за чем в области началось буквально обвальное сокращение объемов производства во всех отраслях. Именно обвальное, ибо уже в 1995 году объем производства в базовой – рыбной – отрасли снизился до 55% от уровня 1991 года, а в лесной, аграрной, строительной и судоремонтной отраслях он и вовсе сократился на 85–95%. При этом долгие десять лет энергетика области функционировала в режиме «от танкера до танкера», а население северных районов столкнулось с откровенной нехваткой продуктов питания.

То есть, говоря иначе, высказанные мною представления о возможном распаде страны и отсюда о неизбежном крахе модели комплексного развития экономики области, увы, оправдались полностью. Что, по сути дела, и признали официальные власти в лице заместителя губернатора Камчатской области Б.П. Синченко и губернатора Корякского автономного округа В.Т. Броневич. Которые на протяжении всех предыдущих лет

постоянно уверяли население региона, что они ни за что и никогда не пойдут на планомерное сокращение производства и не допустят снижения жизненного уровня его населения. И которые в самом конце октября 1998 года обратились к федеральному центру с просьбой о незамедлительной помощи: «*Во избежание более тяжелых последствий, связанных с полным прекращением подачи электроэнергии, необходимо срочно решить вопрос финансирования Камчатской области на завоз топлива, в противном случае необходимо будет решать вопрос об эвакуации населения* » («Петропавловск», № 43, от 30 октября 1998 г.).

Тогда центр, не сумев разобраться в ситуации, не только оказал одноразовую финансовую и материальную поддержку региону, но и вообще полностью восстановил механизм дотации больной областной экономики. И тем самым поспособствовал возрождению в умах новой администрации области, во главе с неокоммунистом М. Машковцевым, концепции создания многопрофильной экономики Камчатского края за счет максимально комплексного освоения всех природных ресурсов региона.

Конечно же, отрицать некоторое возрождение экономики и повышение уровня жизни камчадалов в результате дополнительных вливаний финансов не приходится. Другое дело, что это вновь ослепило властные и прочие структуры. Настолько, что когда я в 2007 году на конференции, посвященной проблемам развития региона, попытался было сказать, что на нефтяном рынке вот-вот начнется очередное, запланированное нашими «лучшим западными друзьями», падение цен, а потому заявленные на этой конференции амбиционные планы о строительстве сверхмощной Пенжинской приливной электростанции, той же железной дороги Магадан – Петропавловск и автобана Петропавловск – Анадырь обречены на провал, меня вновь не стали слушать. Но в 2008 году цена на нефть упала. И все названные амбиционные проекты тихо канули в Лету.

Правда, в 2008 году нефтяной и общемировой экономический кризис на Камчатке проявился не столь заметно, как по всей России в целом. Однако причиной этому была не эффективность деятельности местной власти, а дотационная поддержка государства. Как, кстати, эта же поддержка удерживает экономику края от краха в условиях санкций и ныне.

Но, похоже, нынешняя краевая администрация также не задумывается над тем, что санкции и прочие причины (та же торговая война США и КНР и уже реальная война США с Ираном) не исключают повторение, пусть бы и не в столь остром варианте, ситуации 90-х годов XX и конца 10-х годов XXI веков.

Впрочем, не стану сейчас говорить о геополитической ситуации в мире. Зато более подробно скажу о миграционном процессе начала 90-х годов прошлого века.

Дело в том, что осенью 1989 года председатель облисполкома Н.В. Синетов в ответ на мое предложение начать планомерное отселение населения области за ее пределы однозначно заявил, что областные власти **никогда** не пойдут на организованное переселение людей за пределы области. Более того, даже два года спустя после распада СССР первый губернатор Камчатки В.А. Бирюков и его заместитель Б.П. Синченко клятвенно заверяли жителей области в том, что администрация области **ни за что не допустит снижения жизненного уровня населения**
, а потому камчадалам
нет нужды покидать полуостров
.

Не лучшей была и реакция местного истеблишмента. В частности, ведущий специалист региона по проблемам миграционных процессов Р.С. Моисеев в 1989 году по этому поводу высказался так: «*Регулирование численности населения – острая тема в прогнозах развития Камчатки. Одни предложения радикальны: вдвое, втрое сократить численность населения относительно существующей; разделить надвое Корякский автономный округ. Знакомый волюнтаризм: кажется, что только это и нужно обществу, а о средствах думать не принято* » [Моисеев Р. С. Социально-экономические и экологические факторы развития региона и численность населения // Материалы V Региональной научно-практической конференции «Рациональное использование ресурсов Камчатки и развитие производительных сил до 2010 года». Том II. Петропавловск-Камчатский. 1989 г. С. 70]. Так и не поняв при этом, что о средствах должен был заботиться, вкупе с областной администрацией, именно он, как ведущий специалист по миграции населения.

Именно не поняв, ибо завершил он эту свою филиппику (не упомянув, кстати, моего имени) следующим пассажем: «*Провозглашать сокращение функций и численность населения региона без учета названных факторов* ***столь же бесплодно, сколь провозглашать остановку Луны; объективные законы найдут способ преодолеть надуманные ограничения***
(выделено мною. –
В. Б.
)
. В 1980-е годы господствовала идея приостановления роста численности населения Камчатки, не подкрепленная социально-экономической политикой. Проявление веры в

эту идею и во всесилие постановлений – директивно утвержденная на 2000 год численность населения Камчатской
области в 512 тысяч человек. Население области составило по переписи 1970 года 288 тысяч человек; 1979 год – 378 тысяч человек; 1989 год – 467 тысяч человек. Соответственно средний ежегодный прирост за период составил 10 и 8,8 тысячи человек. Если сохранится действие факторов, влияющих на формирование населения за последние два десятилетия, то численность населения области в 2000 году может составить около 560 тысяч человек, сокрушив все прогнозы, и в первую очередь «жилищную программу», рассчитанную на 512 тысяч человек
». [Там же, с. 72] А одаренный политический авантюрист, но никудышный прогнозист от геологии И.А. Сидорчук, ставший на волне перестройки полномочным представителем Президента России на Камчатке, в 1992 году и несколько позже (то есть уже после развала СССР и экономики страны) в своих выступлениях несколько раз категорически заявлял, что к 2000 году население Камчатки за счет создания мощной горнорудной отрасли возрастет, как минимум, до 800 тысяч, а, возможно, и до миллиона человек.

Нужен ли тут комментарий? Думаю, что нет. Ибо «**объективные законы» действительно нашли способы преодоления догматических постулатов**
. Ибо спонтанный исход (а по сути – бегство) населения за пределы области принял столь катастрофический характер, что в 1994 году областные власти вознамерились было приступить к разработке региональной программы «Мигрант». Которая должна была, по их замыслам, обеспечить возможность отселения за пределы области еще 100 тысяч в дополнении к тем 65 тысячам камчадалов, которые к тому времени уже покинули Камчатку. Причем в разработке этой программы одну из ведущих ролей опять же должен был сыграть Камчатский институт экологии и природопользования в лице его директора и специалиста по миграционным процессам Р.С. Моисеева.

Однако тех самых средств, о которых Р.С. Моисеев, оказавшийся волею случая на острие камчатской экономической науки (а потому просто был обязан заблаговременно думать не только о «светлом» будущем Камчатки, но и о худших вариантах ее развития), у области на момент создания программы «Мигрант» уже не было. А потому она провалилась так же «успешно», как проваливались до этого и после этого программы комплексного социально-экономического развития Камчатки, едва ли не ежегодно разрабатываемые в области в конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века.

К примеру, в начале сентября 1990 года на суд народных депутатов Областного совета была предложена концепция развития области в условиях перехода к рыночным отношениям, разработанная планово-экономическим управлением облисполкома под руководством Б.П. Синченко. О которой тогдашний председатель облисполкома В.А. Бирюков высказался так: «*Стройной системы концепции перехода области к рыночной*

экономике еще нет. Тот документ, который разработан специалистами ПЭУ и отвергнут народными депутатами Камчатки, не является сколько-нибудь конструктивным. Его просто нет и весь разговор » («Камчатская правда», 4 сентября 1990).

Тем не менее этот документ, которого «*просто не было*», спустя три недели все же был принят отвергнувшими его ранее народными избранниками. При этом основной тон в этом задали многочисленные представители геологии, пробившиеся на волне популизма в народные депутаты. Более того, эта концепция в последующем «сканировалась» едва ли не каждый год. Что в конце концов и обернулось обрушением областной экономики, спасая которую от окончательного краха, федеральные власти вновь посадили регион на дотационную иглу. И тем самым поспособствовали реанимации концепции комплексного развития народного хозяйства Камчатки за счет дотации. Что в условиях практически полной зависимости экономики России от кризисов на международном нефтяном рынке обернулось очередными провалами в 1998 и в 2008 годах из-за резкого сокращения объемов государственной поддержки. И продолжающийся с 2014 года кризис вовсе не исключает возможности повторения подобной ситуации.

Итак, скажу в заключение, 30 лет тому назад местная администрация, поддержанная региональной элитой, по завершению работы V Региональной научно-практической конференции уверяла, что она ни за что не допустит снижения уровня населения области. И в результате поверившее им, а не трезвым призывам инакомыслящих население региона, оставшись в 1992 году без своих сбережений, не только лишилось возможности самостоятельного выезда за пределы области, но и оказалось надолго обречено на примитивное физическое выживание.

Правда, в последующие и особенно в последние годы состояние краевой экономики и сферы социального обслуживания его населения существенно улучшилось. Однако не надо забывать, что это произошло и происходит за счет мощной поддержки федерального центра. Ибо, например, из каждых 100 рублей, потраченных на осуществление так называемых «престижных проектов» края, до 80 и более рублей вкладывается из федерального бюджета.

Но при этом в 2017 году наибольшая занятость населения в экономике Камчатского края отмечается в оптовой и розничной торговле, включая авторемонт и автосервис; а также в сельском и лесном хозяйствах, охоте, рыболовстве и рыбоводстве – 15% и 9,6% соответственно [Мошков А.В. Отраслевая структура занятости и доходы населения в субъекте северо-восточной части Дальневосточного федерального округа (Камчатский

край). Региональные проблемы развития Дальнего Востока и Арктики, 2019. С. 192–195].

Но при этом в настоящее время миграция населения в крае, почти сбалансированная по оттоку и притоку, стала отрицательной по качеству мигрирующих. Ибо если в 1990–1995 годы уезжали семьями, то сейчас существенную долю в структуре покидающих составляют наиболее перспективная молодежь в возрасте 17–24 лет, а также высококвалифицированные специалисты [Гадецкий О.Ю., Кулакова Л.И. Социально-экономические и этнокультурные аспекты развития северных территорий. [Региональные проблемы развития Дальнего Востока и Арктики, 2019. С.162–165]]. Тогда как на Камчатку приезжают почти исключительно малоквалифицированные продавцы и разнорабочие из ближнего зарубежья. Что, хочешь не хочешь, побуждает задаваться вопросом – а будет ли настолько светлым будущее Камчатки, каковым оно рисуется в настоящее время?

Впрочем, на этом я и закончу свой беглый анализ. Однако, если обстоятельства позволят, то в следующий раз я попробую показать, что просмотр официальными структурами и местным истеблишментом 30 лет тому назад реального хода событий был и закономерным, и неизбежным. Как столь же закономерным и неизбежным было непризнание ими мнений и представлений инакомыслящих.

Что же касается данных заметок, то замечу, что напоминание об ошибках полезно уже хотя бы тем, что забвение плохого прошлого может лишить нас хорошего будущего.

Валерий БЫКАСОВ,

научный сотрудник

Института вулканологии

и сейсмологии ДВО РАН